

Она никогда не задумывалась о покупке этого мишки. Магазин был оформлен дорого, и цена, скорее всего, оказалась бы высокой. Даже если бы она была приемлемой, Цзян Сюэцин всё равно не купила бы его. Дело не в том, что Цзян Сюэцин её не баловала — в детстве игрушек ей покупали немало. Просто Цзян Сюэцин ценила практическую пользу: каждая вещь должна была либо развивать интеллект, либо укреплять тело. В общем, иметь конкретное назначение. Подобные безделушки, за исключением нескольких кукол, купленных до школы, Цзян Сюэцин и в глаза бы не взглянула.

Но откуда Лин Тань узнала, что ей нравится именно эта подушка-мишка? Или это было просто совпадение? А может... её любит Шэнь Цинчэн?

Она опустила взгляд на мишку. Теперь, присмотревшись, его выражение не казалось таким уж печальным. Чёрные блестящие глазки, длинные лапы — чем дольше смотрела, тем больше он ей нравился. Она крепко обняла его, ощущая под пальцами мягкий ворс, и всем сердцем приняла этот подарок.

Наверное, это и правда было совпадением. Она почти без усилий убедила себя отбросить другие варианты и напонила, что в следующий раз обязательно должна поблагодарить тётю Линь.

Вдруг она вспомнила слова, которые только что произнесла Шэнь Цинчэн. Та пыталась её утешить?

Впервые в её душе зародилось жгучее любопытство. Шэнь Цинчэн... Что она на самом деле думает обо всём этом?

Почему кажется, будто её это совершенно не затронуло? Какой была её жизнь все эти годы? Если вдуматься, это и впрямь странно: не случись той подмены, разве не её жизнью жила бы сейчас Шэнь Цинчэн?

Гу Чэнси разрывали противоречия. Она хотела поговорить с Шэнь Цинчэн, но не знала, о чём. «Что ты думаешь о том, что нас перепутали?», «Как, по-твоему, нам теперь общаться?» или «Я, на самом деле, не так уж тебя не люблю»? Одна мысль об этом вызывала неловкость. Да и даже если она захочет поговорить, согласится ли Шэнь Цинчэн?

Она не могла точно понять отношение Шэнь Цинчэн к себе, но, поразмыслив, решила, что оно в целом дружелюбное. Излив свои терзания в дневник, она пришла к выводу: нужно набраться смелости и при первой же возможности поговорить с Шэнь Цинчэн.

Приняв решение, она заснула в объятиях подушки-мишки.

Каково же было её удивление, когда в понедельник утром, придя в класс, она обнаружила на своём правом месте парня. Она подняла глаза, огляделась и лишь в третьем ряду увидела спину Шэнь Цинчэн.

Шэнь Цинчэн... поменяла место?

Новый сосед оказался высоким и весело болтал с Ду Минмин. Увидев Гу Чэнси, он обернулся и дружелюбно улыбнулся, а затем, словно заранее зная, что она не запомнит его имени, сказал:

— Меня зовут Фан Юаньчжи.

Гу Чэнси кивнула.

— Гу Чэнси.

Парень снова улыбнулся.

— Я помню твоё имя.

Казалось, он хотел продолжить разговор, но Гу Чэнси не была расположена болтать. Она ответила небрежной улыбкой, и он, поняв намёк, не стал настаивать, снова повернувшись к Ду Минмин.

Гу Чэнси открыла учебник, достала из пенала ручку и закрутила её в пальцах, чувствуя беспокойство. Почему Шэнь Цинчэн пересел? Из-за её слов?

Ей страшно хотелось узнать причину, но за весь день она так и не услышала от Ду Минмин имени Шэнь Цинчэн. Тут она с досадой вспомнила, что сама же на прошлой неделе и попросила Ду Минмин не упоминать при ней Шэнь Цинчэн. И та действительно перестала. Самостоятельно завести разговор ей было неловко, с остальными она не была близка. Промучившись целый день, она решила спросить Шэнь Цинчэн напрямую вечером.

После первого вечернего занятия она собрала вещи и вышла из класса, как вдруг услышала сзади робкий голос, зовущий её по имени. Обернувшись, она увидела Ван Синьюэ.

Та стояла у двери класса с рюкзаком за спиной и маленькой коробочкой в руках, её лицо пылало.

— Что-то случилось? — спросила Гу Чэнси мягко.

Ван Синьюэ всегда казалась пугливой и застенчивой, поэтому Гу Чэнси с ней говорила особенно деликатно. К тому же у неё остались хорошие впечатления: Ван Синьюэ пообещала сохранить в тайне их совместное проживание и, кажется, действительно сдержала слово.

Лицо Ван Синьюэ стало ещё краснее, и она неловко протянула коробочку.

— Я... слышала, ты из Сычуани. Мы тоже оттуда. Это кислые побеги бамбука, их замариновала моя тётя, они острые... Подумала, тебе может понравиться...

Гу Чэнси изначально не хотела принимать, но боялась задеть чувства Ван Синьюэ, поэтому взяла коробочку, приоткрыла крышку и вдохнула аромат. Её глаза вдруг загорелись, и она радостно воскликнула:

— Кислые побеги бамбука из уезда Линьдун?!

Ван Синьюэ удивилась.

— Как... как ты узнала?

Гу Чэнси рассмеялась.

— Ха-ха, мой дедушка из уезда Линьдун, я в детстве там подолгу жила. Ты тоже оттуда?

Ван Синьюэ энергично закивала, явно обрадовавшись.

Не теряя времени, Гу Чэнси осторожно вытащила один побег, сунула в рот и с удовольствием прожевала.

— Вау! Я так рада, столько лет не ела этого! Очень вкусно!

Она говорила правду. Уезд Линьдун славился горами и реками, там в изобилии рос бамбук. Урожай каждый год был таким большим, что его не успевали съесть, и в каждой семье делали соленья. Может, из-за особого способа приготовления, а может, по другой причине, но кислые побеги бамбука из Линьдуна имели уникальный вкус — кислый, с едва уловимой сладостью, особенно освежающий летом. В детстве она часто ела их у бабушки, но после отъезда из Линьдуна так и не встречала этого особенного вкуса.

Вспомнив, что Ван Синьюэ тоже живёт у тёти и идёт домой той же дорогой, Гу Чэнси естественным образом предложила:

— Пойдём вместе.

Увидев, что Гу Чэнси понравилось её угощение, Ван Синьюэ улыбнулась так широко, что глаза превратились в полумесяцы.

— Конечно!

Они болтали о знакомых обоим достопримечательностях и событиях уезда Линьдун, обе были в восторге. Смех и разговоры быстро сблизили их. Возможно, из-за возбуждения они спускались по лестнице очень медленно и в конце концов загородили дорогу тем, кто шёл сзади. Услышав шаги, Гу Чэнси посторонилась, чтобы пропустить людей, и среди трёх-четырёх проходящих заметила Шэнь Цинчэн.

Та, казалось, совсем не обратила на неё внимания, разговаривая с девушкой, которая нежно держала её под руку. Они смотрели друг на друга и смеялись: Шэнь Цинчэн — мягко, а её спутница — сияюще.

Шэнь Цинчэн и правда была невероятно популярна. Каждый день после уроков к классу подходила куча народа — просто чтобы сходить с ней в туалет или постоять десять минут в коридоре. Из тех трёх-четырёх человек двое и вовсе жили в общежитии и должны были вернуться на второе вечернее занятие, а сейчас просто провожали Шэнь Цинчэн до школьных ворот.

Гу Чэнси на мгновение отключилась и не услышала несколько фраз, сказанных Ван Синьюэ.

— Гу Чэнси? — осторожно позвала её Ван Синьюэ.

— А?

— Что с тобой? Тебе плохо?

Гу Чэнси потрогала нос.

— Нет, я в порядке... Пойдём.

Гу Чэнси достала ключ и открыла дверь съёмной квартиры. Внутри было тихо. Дверь в комнату Шэнь Цинчэн была закрыта, но из-под неё на пол падала узкая полоска света, отчего окружающая темнота казалась ещё глубже.

Перебываясь, она снова и снова вспоминала, как Шэнь Цинчэн и та девушка смотрели друг на

друга и смеялись. Это была та нежность, которую она никогда раньше не видела. «Оказывается, когда Шэнь Цинчэн радуется, она выглядит именно так», — подумала она про себя.

Шэнь Цинчэн улыбалась ей и раньше, но те улыбки были какими-то шаблонными, поверхностными, едва тронувшими губы. Красивыми, но не передававшими настоящей радости. Из-за этого Гу Чэнси даже начала думать, что Шэнь Цинчэн — фальшивая, не способная на искренние чувства, а её улыбка совершенно безжизненна. Но теперь она видела, что это не так. У Шэнь Цинчэн были чувства, и она умела их выражать — ясно, трогательно. Её улыбка могла передавать радость, симпатию, нежность, а в глазах мерцали крошечные искорки.

Так что... Шэнь Цинчэн просто не испытывала к ней симпатии.

Выходит, Шэнь Цинчэн тоже её не любит.

В одно мгновение она потеряла и желание, и смелость задавать Шэнь Цинчэн вопросы. Они больше не пересекались в классе, у каждой были свои друзья, они жили отдельной жизнью. Видимо, так Шэнь Цинчэн и хотела.

<http://bllate.org/book/15948/1425792>